

Тем временем Тянь Ваньсин с матерью понемногу отступили от стола, тихонько пробрались на кухню и, заперев дверь, стали совещаться в полутёмной комнате. Склоняясь друг к другу, они шептались. Тянь Ваньсин снова почувствовал отвратительный запах у себя под носом и сухо вырвал, за что Чжан Мэйлинь сердито ущипнула его за запястье.

Он расплакался — и ей тут же стало его жалко.

Почувствовав материнскую ласку, Тянь Ваньсин наконец разрыдался в голос — всё-таки он был всего лишь пятнадцатилетним подростком.

«Мама, что нам делать?» - срываясь на всхлипы, прошептал он, зажимая рот. «Все верят только Хэ Бяню, не знаю, чем он их подкупил. А если он подговорит всю деревню против нас?»

Чжан Мэйлинь, однако, не считала, что вся деревня ему поверит.

Люди могли поверить, что какой-то незнакомец — прорицатель, обладающий божественными силами. Но поверить, что Хэ Бянь, которого с детства все презирали, вдруг обрёл сверхъестественные способности?

Как можно принять, что тихий, забитый, словно нищий мальчишка вдруг окажется у всех над головой?

Но Тянь Ваньсин, вспомнив, события, что были днём, всё ещё испытывал странный страх:

А если... если он и правда может призывать в себя предков?

Чжан Мэйлинь тогда потеряла сознание и не видела того, что произошло. Но стоило ей вспомнить, как знакомые люди вдруг переменились, стали слушать Хэ Бяня, отчитывать её, окружили её, давили со всех сторон — и за спиной никого, кто бы заступился... от этого её пробирал холодный ужас.

Стиснув зубы, она сказала:

«Ничего. Даже если он и вправду может призывать предков, это не изменит того, что он — гер».

Тянь Ваньсин не сразу понял.

Чжан Мэйлинь продолжила:

«Иди позови Ван Саньлана. Пусть он соберёт своих дружков...»

Зрачки Тянь Ваньсина расширились, веки задрожали.

Но вскоре в его глазах вспыхнула жёсткость. Это Хэ Бянь первым начал их притеснять. Это он — неблагодарный и злобный — первым перешёл черту!

«Но... это сработает? А если все действительно верят, что его защищают предки, и боятся его?»

Чжан Мэйлинь усмехнулась, словно видела всё насквозь:

«Мужчины... даже богиню, что в храме наделяет детьми, они способны осквернить. Чем чище и недосыгаемое — тем сильнее им хочется схватить это и удержать в руках».

Если они "испортят Хэ Бяня, то вся его напускная мистика тут же рассыплется.

«К тому же, - добавила Чжан Мэйлинь, - из-за твоей истории с учёным Чжаном и из-за того, что ты сегодня днём поднял на меня руку, в деревне и так всё кипит. А этот случай с Хэ Бянем отвлечёт внимание».

Тянь Ваньсин безоговорочно верил словам матери. Она смогла держать в руках даже такого способного мужчину, как его отец — значит, не может ошибаться.

Но когда пришло время выходить из дома, он замялся. Да и сама Чжан Мэйлинь колебалась.

Тянь Ваньсину не хватало ни смелости, ни лица показаться людям.

А Чжан Мэйлинь решила, что подобное дело не стоит поручать сыну — ещё испортит его.

В итоге она сама пошла искать Ван Саньлана.

Ван Саньлану было семнадцать. Раньше он считался главарём среди деревенской молодёжи, но из-за своей дурной репутации до сих пор не был сосватан. В соседних деревнях приличную невесту для него найти не удалось, и родители решили отправить его на заработки в уезд — заодно, может, привезёт себе оттуда какую-нибудь девушку. Сам он с этим согласился, а место "главного" в деревне уже уступил Тан Гую, прошедшему через все негласные испытания.

Получив от Чжан Мэйлинь намёк, Ван Саньлан заинтересовался.

Он тоже слышал от домашних разговоры о том, будто Хэ Бянь обладает какими-то способностями, может призывать в себя предков. И если бы это оказалось правдой — он бы непременно взялся за дело. Всё равно что наткнуться на денежное дерево — пройти мимо невозможно.

Но он прекрасно знал, что за человек этот Хэ Бянь: робкий, туповатый, худой как крыса — одно отвращение.

Такой человек — под защитой предков? Да быть того не может.

Скорее уж Хэ Бянь просто устал от своей тяжёлой жизни и решил выдумать себе легенду, чтобы возвыситься.

Сам Ван Саньлан и то когда-то воображал себя Небесным владыкой.

Ему было противно даже думать о том, чтобы самому трогать Хэ Бяня, но затея казалась забавной — и он решил поручить это Тан Гую.

«Что, не осмелишься?» - усмехнулся он, заметив, как тот побледнел, словно увидел привидение. «Мать дала тебе пару пощёчин — и вся храбрость улетучилась? Я же говорил: без отца вырос — вот и нет в тебе мужской жилки. Даже на это духу не хватает. В детстве ты только с матерью и пищал, как курица. Если бы не я — кто бы тебя вытащил? Кто бы за тебя заступился? Тебя бы до сих пор та же шайка Ван Гоузи колотила каждый день. А сейчас — смотри-ка — уже с братьями ходишь, грибы тебе собирают».

Эти слова Тан Гуй слышал с самого детства. Он сжал кулаки, глаза его потемнели от решимости:

«Сделаю».

Ван Саньлан кивнул:

«Вот и правильно. Чего бояться? Это сама Чжан Мэйлинь ко мне пришла — считай, по воле родителей. Мы же ничего плохого не делаем. Завтра вечером приведи его на наше место — пусть и остальные ребята посмотрят».

Тан Гуй кивнул.

Получив поручение, он всю дорогу чувствовал тревогу и не решался возвращаться домой — в тот же вечер он притаился у двора семьи Тянь.

Как раз в летние сумерки все обычно выходили к арыку у ворот — умыться, сполоснуть ноги. Хэ Бянь, накинув на плечо серую изношенную тряпицу и неся в руках треснувший деревянный таз, подошёл к канаве.

Вдруг он уловил за спиной тихий шорох. Позади росла старая, лет пятнадцати, земляничная мирика. Но за всю жизнь Хэ Бянь лишь "утолял жажду, глядя на сливы" — ягоды с этого дерева ему так и не довелось попробовать.

Стоило Тан Гую высунуться — перед его лицом уже взметнулась секира, готовая обрушиться.

«Не... не надо! Я... я хороший!» - прошептал он в панике.

Луна светила ярко, и на его лице отчётливо проступали распухшие следы пощёчин.

Похоже, Тан Тяньцзяо дома его всё-таки наказала. Тан Гуй был сыном послушным — по крайней мере сейчас он вряд ли решится на что-то дурное.

«Чего ты тут крадёшься?» - тихо, но резко спросил Хэ Бянь.

Раньше Тан Гуй ещё сомневался в словах матери, но теперь, увидев Хэ Бяня, словно другого человека, его охватил страх.

Сейчас тот походил на злого духа. Впалые щёки, бледные как бумага, пустой взгляд, наполненный холодной яростью — даже отблеск лезвия не казался таким пугающим, как его глаза.

Тан Гуй лишь на мгновение встретился с ним взглядом — и его передёрнуло.

Вспомнив выражение лица матери, когда она говорила о Хэ Бяне — смесь почтения, чуждости и страха, — он невольно отступил на шаг, ощущая холод по спине.

«Я... я пришёл предупредить... Чжан Мэйлинь нашла Ван Саньлана... велела ему схватить тебя... а потом... потом...»

Он не стал договаривать — ни того, что задумал Ван Саньлан, ни того, что поручили ему самому. Слова вышли скомканными, но Хэ Бянь и так всё понял.

Ван Саньлан — мерзкий червь, который в прошлой жизни умер от венерической болезни.

Ему и вмешиваться не придётся: оказавшись в городе, тот предастся всем порокам — пьянству, разврату, азартным играм — и в конце концов доведёт семью до разорения. Продав землю и имущество, они всё равно не смогут спасти своего "талантливого" сына.

«Я понял» - спокойно сказал Хэ Бянь.

Тан Гуй хотел было добавить, что готов помочь, если потребуется. Но, глядя на его невозмутимость, лишь сильнее почувствовал странную, пугающую загадочность — и не осмелился задерживаться рядом. Даже в летнюю ночь его пробирал холод, он тёр руки и поспешил уйти.

Пройдя несколько шагов, он вдруг вернулся. Глядя на маленькую, худую фигуру Хэ Бяня, ему показалось, будто перед ним не человек, а могильный холмик с останками. Он сложил руки в почтительном жесте и, дрожа, проговорил:

«Раньше я вёл себя как скотина. Если хочешь — взыщи с меня. Только... не трогай мою мать».

Хэ Бянь ничего не ответил.

Тан Гуй постоял ещё мгновение, не решаясь сказать больше, а затем, словно подгоняемый огнём, бросился прочь.

Хэ Бянь проводил его взглядом. Если бы у него самого была мать...

Он резко мотнул головой. Его ведь продали, выбросили — к чему теперь эти мысли?

В ту ночь Хэ Бянь так и не сомкнул глаз.

Он снова и снова перебирал воспоминания прошлой жизни, одновременно продумывая, что делать дальше.

Заставить деревню поверить в него — с этим он справится. Но семья Чжан Мэйлинь так просто не отступит.

Когда вернётся плотник Тянь, нож уже не сможет никого напугать. И, пожалуй, он не успеет даже рта раскрыть, чтобы склонить людей на свою сторону, как тот одним ударом топора расколется надвое.

А если дело дойдёт до настоящего насилия — он всего лишь бумажная крыса, которую легко проткнуть одним тычком.

А вот с Ван Саньланом — таким упрямым, бесстрашным, не признающим ни правил, ни авторитетов — Хэ Бяню тоже придётся готовиться к худшему сценарию конфликта. Но если прикинуть, у него не хватало одного важного элемента — сильного, физически крепкого помощника.

Чем больше он думал, тем сильнее среди ночи кричали петухи, и за окном уже начинало сереть. В душе у него поднималась тревога и беспокойство.

Где найти послушного помощника?

Если совсем не получится... он мог бы просто ночью поджечь дом семьи Тянь и сбежать как можно дальше.

Но во-первых — у него не было ни регистрации, ни документов, и далеко он всё равно не ушёл бы, даже до уездного города не добрался. В этих краях чужаки редкость, и если в деревне появлялся незнакомец, об этом быстро узнавали все соседние поселения.

Во-вторых — он не хотел снова бежать в отчаянии.

Травмы и тень, оставленные семьёй Тянь, не исчезнут просто от того, что он уйдёт.

Только увидев их собственный конец своими глазами, он сможет спокойно жить дальше.

Думая об этом, он вдруг вспомнил одну соломенную хижину.

Эта хижина раньше принадлежала деревенской семье, использовалась для хранения сена, но позже хозяева уехали, и она опустела. Недавно туда вселился один умственно отсталый.

И этот "дурачок" был не из их деревни. Он занял чужую землю и стал открытой проблемой безопасности, из-за чего жители пытались его прогнать не раз — но безуспешно.

Если на него не кричать и не нападать, он просто тихо живёт в хижине и никому не мешает.

Но стоит его разозлить — он тут же вскакивает: высокий, сильный, размахивает руками так, будто может переломить человека пополам, прыгает и визжит, как бешеный зверь. Вид у него был по-настоящему пугающий и безумный.

Взрослые в деревне из-за него держали детей подальше.

В прошлой жизни Хэ Бянь тоже боялся этого "дурачка". Каждый раз, проходя мимо хижины по пути с горы, он шёл, затаив дыхание, боясь, что из тёмного, сырого входа вдруг выскочит этот зверь.

Но кто бы мог подумать...

Этот страшный, отталкивающий, всеми избегаемый безумец потом оказался тем, кто собрал его тело и похоронил, поставив над могилой курган, а ещё — принёс к ней дикие ягоды и плоды шиповника.

А ведь сам Хэ Бянь раньше всего лишь иногда подбрасывал этому дурачку немного диких плодов, чтобы тот мог утолить голод.

Внутри Хэ Бяня бурлили воспоминания прошлой жизни, а за окном уже окончательно рассвело.

Он разжал пальцы, словно пытаясь поймать пучок света. В его янтарных зрачках мелькнула решимость, похожая на ставку ва-банк: в этой жизни он уж точно не перепутает, кто есть кто.

Он решил пойти к тому "дурачку".

Это было и как долг благодарности, и как поиск помощника.

<http://bllate.org/book/17226/1612955>